

РОССИЯ – ИНАЯ СТРАТЕГИЯ

А.В. БУЗГАЛИН

XX век стал эпохой сразу нескольких глобальных переломов. Первый – «социалистический эксперимент» – на первый взгляд закончился возвратом в исходную точку. Второй – научно-технический – разворачивается вот уже более ста лет, но при этом регулярно меняет направления и тренды. Третий – культурно-цивилизационный – как был, так и остается под вопросом. Для нашего Отечества ситуация еще более проблемна. Позади – Российская империя и Советский Союз плюс ужасы «шока без терапии». Впереди – надежды не столько на качественные изменения в нашей стране, на смену ее роли и 67-го места в мире по индексу человеческого развития, сколько на стабильность.

Еще недавно задумываться над вопросами нового качества развития мира и нашей Родины в среде серьезных интеллектуалов России считалось неприличным романтизмом. Но ситуация изменилась. И серьезный разговор о том, кто, куда и как эволюционирует в современном мире, каковы при этом раскладе сценарии возможного развития России и может ли интеллигенция повлиять на выбор тренда стали всерьез нас волновать. Хочется почувствовать свою причастность к тому, что делается в мире и в стране. Хотя бы интеллектуальную. А может быть и не только.

Почему устарели инновационный и/или модернизационный проекты

Разговор об инновационном развитии, начавшийся по инициативе правительства РФ несколько лет назад, в 2009 г., был дополнен лозунгом модернизации. Автор этих строк берет на себя утверждать, что задача модернизации (1) не актуальна в современных условиях (во всяком случае, для страны, ставящей задачу опережающего, а не догоняющего развития), а задача перехода на инновационный тип развития (2) слишком узка для качественно новой стратегии, но при этом неисполнима при условии сохранения нынешней модели социально-экономического и политического развития. Рассмотрим каждое из этих положений чуть подробнее.

Задача № 1 в ее буквальном смысле и в том смысле, в каком понимало модернизацию большинство ученых на протя-

жении вот уже почти ста (!) лет, означает переход к эпохе модерна, т.е. развитой индустрии, рынка, капитала, традиционной парламентской демократии и либеральной идеологии. Наиболее развитые страны эту задачу решили к началу XX в., страны «второго эшелона» — к середине прошлого столетия. «Новые индустриальные страны» — лет 20 — 30 назад. Спору нет, в России эта задача в полной мере *опять* не решена. Если свободного рынка, парламентской демократии и либеральной идеологии как реально господствующих у нас еще как не было, так и нет, то развитую индустрию мы создали полвека назад (правда, сейчас она во многом разрушена). Но также ясно и то, что проводить политику модернизации в условиях постмодерна — значит окончательно обрекать себя на роль страны третьего эшелона. И дело здесь не в словах: дело в том, что реальные экономические и политические механизмы, используемые в России — это именно институты эпохи модерна, мутировавшие вследствие сохранения многих негативных традиций советской эпохи и противоречий переходного периода.

Задача № 2 внешне выглядит в этом смысле гораздо привлекательнее. При всей странности терминологии многих нынешних лидеров задача развития нашей страны на базе использования интеллектуального, а не сырьевого потенциала, т.е. по пути инновационного развития, выглядит отвечающей первоочередным интересам страны. Однако здесь есть ряд существеннейших проблем. Отмечу лишь одну из них. Если говорить строго теоретически об инновациях, то последнее есть обозначение исключительно коммерчески используемых новшеств, т.е. *рыночное, капиталистическое* использование любых новых технологий и разработок, если они приносят прибыль. Если говорить практически, то в России новшества, которые не приносят прибыли бизнесу и государственному чиновнику, в качестве реальных инноваций не рассматриваются. Реальная система отношений в России сейчас устроена так, что доходы от использования части природной и административной, а также инсайдерской ренты существенно выше возможных доходов от технологических инноваций. Кроме того, технологические инновации требуют больших и, главное, *долгосрочных* вложений, а для нашей системы характерны нестабильность институтов и высокий уровень транзакционных издержек при низкой спецификации прав собственности. Проще говоря — нет и не может быть гарантий долгосрочных вложений в развитие.

Все это объективно делает частный бизнес незаинтересованным в инновациях. Что же касается государства, то при лозунгах инновационного развития реальная политика строится иначе: *доля* расходов на науку и образование в государственном бюджете России на протяжении всех лет реформ (и даже в период нефтяного роста) была ниже, чем в странах с инновационной стратегией развития (по сравнению с Финляндией, страной, занимающей 1-е место в рейтинге инновационных экономик, в 2 раза ниже) и продолжает *снижаться*. Между тем, для прорыва в экономику, основанную на знаниях, в стране типа России, необходимо принципиально иная стратегия. Стратегия, в которой действительным приоритетом развития будут *общедоступное образование через всю жизнь* в среднем на уровне 15 – 18 лет, *общедоступные медицина и спорт, обеспечивающие продолжительность жизни в среднем более 75 лет*, наука, ориентированная на развитие фундаментальных, а не только прикладных, дающих немедленный эффект сфер и т.п.

Иными словами, России нужна *стратегия опережающего развития*. А для ее реализации нужна принципиально иная система социально-экономических и социально-политических отношений и институтов.

XXI век: рождение нового мира со-творчества

О глобальных, качественных изменениях мира, вызванных технологическими сдвигами последних десятилетий, написаны сотни книг. Более полувека назад интеллектуалы открыли научно-техническую революцию. Дэниэл Белл более 40 лет назад назвал эти трансформации постиндустриальными, а возникающую систему – «обществом услуг». Элвин Тоффлер чуть позже – «третьей волной». Мануэль Кастельс и К^о – информационным обществом. Есть еще и «посткапитализм», и «общество знаний», и «человеческая революция» и многое другое. Повторять основные моменты этих работ – занятие ненужное: большинство их и так хорошо знает. Поэтому напомним лишь самое главное.

Творческая деятельность создает не просто информацию или новшество. Она, *во-первых*, создает культурную ценность, которая бесконечно остается востребованной человечеством (как правила арифметики или поэмы Гомера). И это культурное благо неограничено для использования. Это такой «*пирог*», который становится тем больше, чем больше едоков его погло-

щают. (Например, Чайковский «съедает» испеченный Пушкиным «пирог» — поэму «Евгений Онегин» — в результате чего появляется два пирога: опера и поэма). Поэтому в принципе в мире культурных ценностей становится возможной всеобщая собственность, собственность каждого на все. Эта формула восходит к идее всеобщего труда К. Маркса, к работам отечественных философов-шестидесятников (Э. Ильенков, Г. Батищев, Н. Злобин, В. Келле, В. Науменко и многие другие) и ныне часто воспроизводится В. Межуевым. Смысл этой формулы на первый взгляд прост: каждый из нас потенциально является собственником всего культурного богатства человечества — любых научных знаний и произведений искусства. Дело за малым: за способностью освоить, распределить это богатство. *Во-вторых*, творческая деятельность создает новое качество ее субъекта — человека знающего, человека любящего, человека, способного чувствовать красоту. *Это результат, который нельзя ни купить, ни украсть. Его можно только со-творить. В-третьих*, творчество есть всегда еще и процесс общения, того, что Михаил Бахтин назвал субъект-субъектным отношением, диалогом. И в нем тоже нет места отчуждению: способность слышать другого не продается, не покупается, не поддается насилию. Можно перекупить учителя или музыканта, но нельзя купить способность к диалогу с тем или другим.

Таким образом, в новом обществе основными сферами развития (и, как следствие, прогресса производительности, эффективности, качества жизни) становятся новые отрасли широкомасштабного «производства» главного ресурса новой экономики — не денег, не машин и даже не информации, а «человеческих качеств»: новаторских способностей и способностей к диалогу и кооперации с другими людьми и подлинной культурой (а не только «знаниями»). Именно *такие* люди (о них писали А. Печчеи, Э. Фромм, Ж.-П. Сартр) — свободные, творчески развивающиеся, выбирающие «быть», а не «иметь» создают и «информацию», и know how, и все другие высокоценные блага неэкономии.

Из сказанного органично вытекает следствие — *основными «отраслями» ближайшего будущего становятся воспитание и образование* (непосредственное «производство» человеческих качеств как «I подразделение» постиндустриального общества), а также наука, искусство, высокотехнологичное производство и социальное новаторство (сферы реализации человеческих

качеств, как II подразделение постиндустриального общества). Добавив к этому охрану и воспроизводство экологически чистых территорий, мы получим эскиз структуры передовых секторов российской экономики будущего.

Вот такой необычный мир открывается перед человечеством. Впрочем, здесь начинаются многочисленные дебаты.

Будущее: 20% интеллектуальной элиты и 80% ненужных людей?

Начнем с наиболее фундаментального вопроса: *а действительно ли человечество движется к постиндустриальному (информационному) обществу?* Ответов здесь как минимум два. Оптимисты, естественно, говорят «да» и указывают на сокращение доли материального производства в развитых странах, на растущие как снежный ком объемы продаж компьютеров, масс-медийных продуктов и патентов, а также на увеличение числа пользователей интернета и мобильных. Естественники вспоминают еще и о микробиологии и нанотехнологиях. Бизнесмены – о сетевом бизнесе, креативных корпорациях и т.п. И все они делают вывод о том, что мир вступает в новое – информационное (постиндустриальное) общество. На Западе к кругу таких оптимистов принадлежит прежде всего Элвин Тоффлер. У нас оптимисты более осторожны и избирательны. Типичный пример – Владислав Иноземцев, обещающий постиндустриальные блага только Европе. Ну, может быть, и еще кое-кому, кто сумеет к ней присоединиться.

Пессимисты указывают на то, что большая часть мира как жила, так и живет в индустриальной эре (а около миллиарда жителей – в доиндустриальной); что даже в первом мире сфера услуг – это преимущественно труд уборщиков, подавальщиков, кассиров и т.п.; что большинство молодых пользователей компьютеров используют их как пишущую машинку и книжный шкаф, а в лучшем случае как развлечение со стрелялками, в худшем – как средство через интернет покопаться в неприличных сайтах, посплетничать в ЖЖ, купить новые джинсы на 10% дешевле, чем в магазине. Есть и более фундаментальные аргументы, доказывающие, что никакого глобального перехода к новому качеству развития нет. Кто прав?

Берусь утверждать: и те, и другие. И не потому, что предлагаю следовать постмодернистской методологии отказа от больших нарративов или хабермасовским интенциям интеллек-

туального бытия в мире коммуникаций и текстов, а не живых социально-политических проблем. Правы и те, и другие, ибо они нащупывают (каждый по-своему) разные «детали» слона, бродя с завязанными глазами и принимая хобот за змею, ноги за колонны и т.п. Они отказываются от взгляда на проблему через призму исторически развивающихся, сложных, системных сдвигов: технологических, социально-экономических, политико-институциональных и культурных. Они ориентируются на «позитивную» фиксацию тех или иных реальных (но односторонних!) тенденций и не хотят видеть диалектики целого.

Прежде чем аргументировать свой вывод, сформулирую еще один вопрос: *а является ли прогрессом признаваемое едва ли не всеми развитие новых технологий и институтов?* Либералы-оптимисты опять отвечают «да» и тут они правы: для бизнеса, особенно для финансовых институтов, ТНК и некоторых малых фирм «капитализм высоких технологий» стал золотым дном. Гуманистически настроенные интеллектуалы бьют тревогу, указывая на новые глобальные проблемы и, прежде всего, на то, что в новом постиндустриальном мире востребованными окажутся уже не две трети («средний класс»), а лишь четверть профессионалов высшего уровня. Остальные 80% граждан будут «опущены» в *гетто до-постиндустриального бытия*. «У них» об этом пишут все (в России принято ссылаться на ставшую особо модной в последние годы Ханну Арендт), у нас, по-преимуществу только некоторые философы, часто очень далекие друг от друга (Вадим Межуев, Валентина Федотова). И опять же ответу парадоксом: правы и те, и другие. Почему? Да потому, что на протяжении последних десятилетий, действительно, разворачивается устойчивая тенденция возрастания роли Человека, его творческой деятельности и личностных качеств. Именно *такая* (творческая) деятельность именно *такого* (креативного, пишущегося с большой буквы) Человека создает новые технологии и новые ресурсы развития (информацию, знания). Она требует новых форм своей организации. Она обуславливает необходимость появления новых экономических и политических институтов. И эта тенденция проявляет себя уже более полувека – в энтузиазме наших родных королевых и макаренко, в действительном буме IT на Западе, в массовом социальном творчестве венесуэльской бедноты и респектабельных НПО Западной Европы. Вот здесь начинаются жесткие и провокационные тезисы.

Начнем с того, что *прогресс человеческих качеств и творчества идет крайне неравномерно во времени и в пространстве*. Периоды креативного бума, например, эпоха конца 50-х – 60-х годов с ее колоссальными технологическими (космос, химия, микробиология, медицина...) и социальными (от хрущевской «оттепели» и антиколониальных революций до торжества социал-демократической модели в Западной Европе) сдвигами сменяются периодами застоя, а то и регресса.

Еще более очевидна пространственная неравномерность прогресса креативной деятельности. «Общество знаний», творческого *труда*, а не компьютерных игрушек, развивается чрезвычайно неравномерно, концентрируясь даже не в отдельных странах, а *отдельных сетях, контролируемых глобальными игроками*. Основная же часть жителей Земли находится в гетто отсталости и при сохранении нынешней модели глобализации будет все больше отдаляться от мира креатосферы. Лишь крайне ограниченный круг людей из этого гетто имеет шанс вырваться в новый мир.

Между тем природа творчества состоит в том (и это доказано советской школой философов и психологов – Леонтьевым, Выготским, Ильенковым), что способностью к нему обладает любой ребенок в любой семье – богатого и бедного, жителя Кембриджа и Урюпинска. Но если способностью к творческой деятельности в потенции обладает каждый, то перед нами встает новый круг проблем: *найдется ли для всех творческая работа?* Кто в этом случае будет растить хлеб и производить машины? И почему же тогда не самые глупые интеллектуалы так тревожатся о судьбах 80% жителей Земли, которых в будущем ждет роль обитателей гетто отсталости?

Развитие нового мира: потенции прогресса и регресса

И здесь опять последует жесткий тезис: *поле творческой деятельности уже не одно десятилетие принципиально широко и открыто для большинства*. Только надо хотя бы на минуту задуматься и понять, что наиболее востребованная и в высшей мере креативная деятельность – это прежде всего труд воспитателя детского сада и школьного учителя, медицинского работника и тренера-физкультурника, рекреатора природы и общества («садовники» и социальные работники), инженера и квалифицированного рабочего, художника (причем не только профессионального) и ученого. В сегодняшнем мире «рыноч-

ного фундаментализма» (Дж. Сорос) и глобальной гегемонии капитала творческий потенциал человека уходит преимущественно в иные сферы. Это финансы и другие виды посреднической деятельности (по оценкам неоинституционалистов в США транзакционные издержки давно превышают издержки производства), это масс-культура (где десятки высококреативных людей десятилетиями производят жвачку для обывателя), это производство товаров для «общества пресыщения», военно-промышленный комплекс и другие силовые структуры. В этих сферах, по преимуществу паразитических, занято до половины наиболее квалифицированных работников развитых стран.

Вывод получается обескураживающим: *большая часть креативного потенциала человечества даже в наиболее развитых странах растрчивает свои силы по большому счету впустую, а то и во вред человеку и природе. Более того, социально-экономическая система, утилизирующая этот потенциал в развитых странах, ведет в сторону от того, что необходимо Человеку и Природе. Так складывается система, в которой есть два полюса: гетто пресыщения и гетто нищеты, а в середине более-менее сытое/голодное большинство. Это большинство мечтает попасть в первое гетто, страшится скатиться во второе и пребывает в состоянии воспроизводства обывательского стандарта. Эта модель – стратегически тупиковая. Если оставить в стороне заглавные буквы и пафос, то тезис прозвучит не слишком ново: можно и нужно искать альтернативы той модели развития креативного потенциала человека, которую реализуют страны «золотого миллиарда». Новым (да и то относительно) будет разве что несколько «пустяков».*

Во-первых, необходимо точное указание на то, чего не надо делать. Для прогресса креативного потенциала не «элиты», а «рядовых» граждан недопустимо прогрессирующее развитие тех сфер, где не создаются ни культурные ценности, гармонично и всесторонне развивающие личность человека в диалоге с природой, ни материальные продукты, создающие предпосылки для такого развития и повышающие производительность общественного труда. Сегодня никто с этой задачей не справляется. В результате мир по преимуществу стремится создавать все больше предметов пресыщения, масс-культурных жвачек, вооружения, фиктивных, виртуальных благ (Бодрийяр бы назвал их симулякрами, как бы благами).

Во-вторых, необходимо понимание того, что *потенциальная альтернатива существует*. Человечество может обеспечить интересной творческой деятельностью большинство своих членов, притом, что квалифицированный репродуктивный труд меньшинства будет достаточен для обеспечения всех его членов необходимым количеством материальных благ. Вопрос только в одном: понять кто, как и что должен и может изменить в существующей системе для того, чтобы начать продвижение по альтернативному пути, понять, кто, как и почему будет этому противиться и есть ли шансы на реализацию альтернатив. Неплохо бы к тому же еще разобраться с тем, *что* из себя представляют собой эти альтернативы.

Здесь, конечно же, возникает целый сонм хорошо известных возражений: кто вы такие, чтобы указывать нам куда идти? Не лучше ли последовать предостережениям Хайека и его российских последователей (от Е. Гайдара до А. Кара-Мурзы), бывших особенно яркими в 90-е гг. и не раз предупреждавших об угрозе «пагубной самонадеянности» тех, кто берет на себя ответственность за содействие прогрессу, которого, возможно, вообще нет. К этому можно добавить и давно известные возражения консерваторов всех мастей, предостерегающих от каких бы то ни было новых социальных экспериментов. Последовательные рассуждения в этом направлении приводят к выводу, который более 15 лет назад сделал Ф. Фукуяма: история закончилась. Либеральный миропорядок установлен forever. Всякий, кто с этим не согласен – враг цивилизации.

Я с этим не согласен. Был ли «пагубно самонадеянным» проведенный две тысячи лет назад «эксперимент», начатый проповедниками христианства? Был ли пагубным «эксперимент» Томаса Джефферсона и Джорджа Вашингтона или США было бы лучше и дальше оставаться колонией? Был ли реакционным призыв Вольтера к просвещению и демократии? А ведь для XVIII в. его идеи были явным выражением прогресса. Конечно, исторические примеры – не доказательство. Поэтому ограничусь здесь только этими отсылками, свидетельствующими, что *субъективное содействие интеллектуалов прогрессу может быть и позитивным*. Суть моей позиции состоит не в том, чтобы констатировать: прогресс креативности идет, хотя и нелинейно во времени и в пространстве. Она в другом: мы, интеллигенция, можем и должны содействовать этому прогрессу, как минимум, показывая гражданскому сообществу, какие фор-

мы организации экономики, общества, культуры продвигают нас вперед, а какие отбрасывают назад, доказывая свою правоту и неся ответственность за эту деятельность. *Постмодернистская методология деконструкции и самоустранения, порожденная застоем конца XX в., в эпоху агрессивной имперской политики и активизма мирового Хама безнадежно устарела.* Вопрос, следовательно, не в принципиальной вредоносности «прогрессорства», а в том, какое это воздействие, в каком направлении и как оно осуществляется. Комментируя эти две последние темы, обратимся к проблемам нашего Отечества.

Тупики «периферийной империйки»

Хорошо известно, что синоптики лишь предсказывают погоду, делают же ее совсем иные люди. В отношении экспертов и аналитиков это утверждение верно в гораздо меньшей степени: наше сообщество, не имея решающего влияния на ход истории, тем не менее, способно оказывать немаловажное воздействие (нет, не на президента, олигархов и прочую «элиту» — от нее, на самом деле, мало что зависит) на общественное мнение. А общественное мнение («идеи») способно становиться материальной силой, когда оно соединяется с реальными социальными интересами нового субъекта исторического творчества («овладевает массами»). Так какие же идеи «носятся в воздухе» в сегодняшней России, грозя завтра «овладеть массами»?

Новый государственнический, державный, «имперский» проект — вот то новое откровение «ото всех»: от Геннадия Зюганова, Игоря Шафаревича, Сергея Кара-Мурзы, Юрия Осипова, Игоря и даже Анатолия Чубайса вкупе с иными советниками высшей российской власти. Именно этот «проект» пытается навязать России новый тип формирующейся «элиты». Впрочем, эта «элита» ничего другого, кроме повторения старой идеи стоящего над народом, всех подчиняющего, но и за все отвечающего державного вождя придумать не могла. Во-первых, потому, что, разочаровавшись в «либеральном проекте», «новые» решения она может лишь позаимствовать из прошлого. Во-вторых, потому, что она по природе своей консервативна. В-третьих, — и это определяющий параметр — предлагаемый ею проект как нельзя лучше соответствует чаяниям основных пассивно приспосабливающихся социальных сил современной России: обывательского большинства и серой исполнитель-

кой массы «элиты» (государственной и корпоративной бюрократии). Наконец, «имперский проект» адекватен как современным общемировым тенденциям эволюции глобального капитала, так и все возрастающим тенденциям ностальгии по советской державе.

Проблема, однако, в том, что этот проект плохо работает и очень вяло претворяется в жизнь, не вызывая энтузиазма ни у «масс», ни у «элиты». Коротко объяснить этот парадокс можно одной фразой: *«имперский проект» для России устарел, еще не воплотившись*. Причин для этого несколько.

Прежде всего, место действительной империи, способной оказывать решающее влияние на происходящие в мире геоэкономические и геополитические процессы, уже занято США и их ближайшими конкурентами. *В рамках имперской логики у нашей Родины перспектив на лидерство нет*. Но более важен другой аспект: так как имперско-державная модель по самому замыслу ее разработчиков является консервативным проектом, она не может стать основой стратегии опережающего развития, не может обеспечить модернизационного прорыва нашей страны в условиях перехода к глобальному постиндустриальному обществу – обществу, где ключом к прогрессу становится творческая деятельность Человека.

Последнее требует некоторого комментария. В большинстве своем сторонники державно-имперского проекта апеллируют к патриархально-консервативным тенденциям, а это означает ориентацию на аграрно-индустриальный уклад и опору прежде всего на крестьянство и чиновничество. Эти сектора и слои, играющие наименее значимую роль в постиндустриальном обществе, не могут стать основными технологическими укладами и социальными силами модернизации. Не менее важно и то, что державный проект предполагает возрождение патерналистской модели управления обществом и экономикой, а это методы преимущественно государственно-бюрократические и опирающиеся на пассивное послушание народа, занимающего позицию любящего «сына» державной власти, а потому – пассивного объекта ее управляющих воздействий. Более того, патерналистский вариант управления в рамках державно-имперского проекта приведет к усилению и без того мощных тенденций личной зависимости работника от работодателя к развитию таких форм подчинения человека, в которых соединены воедино силы бюрократии и капитала.

Наконец, в идейно-духовной сфере этот проект будет проводиться даже не манипулированием сознанием, а однозначным контролем за сознанием на основе сращивания «государственной идеологии» со все более превращающимся в государственную религию православием. Такое *державно-имперское консервативное соединение технологической патриархальности с государственно-патерналистским капитализмом находится в прямой противоречии с основой прогресса современной постиндустриальной системы — с развитием новаторского творческого потенциала личности в открытом, интернациональном, свободном диалоге индивидов и культур.*

И еще один немаловажный момент: предлагаемая проектом система по определению не должна включать механизмов низового демократического контроля за властью как исполнительным аппаратом народа. Вследствие этого идеальная модель авторов проекта на практике будет вырождаться (как, например, во времена распутищины или брежневщины) во властвование бюрократии, нацеленное на реализацию своих собственных интересов как узкого привилегированного слоя, укрепляющегося за счет народа и национальной экономики. Последнее, как известно, очень быстро сводит на нет все достоинства патернализма, вызывая бурное развертывание его недостатков. Вот почему *консервативный державно-имперский проект в своей конструкции содержит механизмы своего вырождения в диктатуру коррумпированной бюрократии.* Есть ли ему альтернативы? Есть.

Концепт глобального культурного лидерства России

Зададимся вопросом: *при каких условиях российский мещанин становится гражданином, способным к совместным историческим действиям?* То, что такая способность в принципе существует, история доказывала не раз. Эта же история подсказывает и ответ на наш вопрос. Эта *невозможная на первый взгляд трансформация мещанина в полного энтузиазма прогрессора* происходит тогда, когда (1) появляется субъект, объективным интересом которого становится изменение экономической и общественной жизни, (2) противоречия общественной жизни достаточно обострены, чтобы пробудить социально-творческую энергию граждан, (3) этот субъект достаточно организован, чтобы это действие осуществить и (4) он субъективно способен к осознанному конструктивному действию, т.е. осознает

необходимые цели преобразований и возможные средства их реализации достаточно адекватно, чтобы направить социальную энергию в конструктивное, а не разрушительное русло.

Такова проверенная жизнью теоретическая модель. В современных исторических условиях России эта «формула исторического творчества» кажется неприменимой. Но так ли это?

Во-первых, в России традиционно сохраняются два ключевых фактора интенсивного общественного развития постиндустриальной эпохи – природа и культура. Расшифруем. Природа – это не только и не столько сырьевые ресурсы, сколько экологически чистые биогеоценозы. Культура – это, прежде всего, «человеческие качества» и сферы их развивающие и воспроизводящие: образование, наука, накопленные столетиями достижения искусства. Именно это и есть условие формирования творчески активного человека-новатора, активного субъекта создания *knowhow* во всех областях общественной жизни: от высоких технологий для сельского хозяйства и промышленности до новых форм образования и воспитания, социальной организации и управления. На наш взгляд, *такой субъект, заинтересованный в такой модернизации в стране есть. Дело за «малым»: сформировать такие экономические и общественные отношения, в которых культура и талант человека, реализуемые в любой сфере общественно-полезной деятельности (а не только в бизнесе и финансах) гарантировали бы такому человеку достойное качество жизни и общественный престиж.*

Во-вторых, в нашем обществе подспудно зреет понимание того, что Родина все больше вползает в исторический тупик, выход из которого в принципе есть, но нынешней властью не реализуется. Пока временная стабилизация власти и «нефтегазовый» рост смягчили это глубинное противоречие. Большинство глухо ропщет и, как всегда бывает в таких случаях неосознанности проблемы, ищет альтернативы в прошлом, выбирая простейшую траекторию ностальгии и консерватизма. Но *новое поколение нового общественного слоя реальных и потенциальных наемных рабочих массовых профессий постиндустриальной эпохи (прежде всего, учителя, врачи, инженерно-технический корпус, социальные работники и творчески активная часть «традиционного» пролетариата) не принимает консервативный курс, хотя и уходит от проблем социальной бессмысленности жизни в мещанскую серость и/или иллюзии осмысленности и социального действия. Отсюда пандемии та-*

ких форм псевдо-творчества, как рок и спорт-фаны, или просто уход от жизни в «виртуалку» — алкоголизм, наркотики, а там и самый край — массовые молодежные суициды, в том числе и среди «благополучных» детей. Альтернативой может быть только конструктивный, новый курс, очевидно нацеленный в будущее и социально-востребованный. Эта альтернатива может быть и будет (рано или поздно) привнесена в общество той или иной социальной силой — «прогрессорами» (выражаясь языком Стругацких) или «регрессорами» (а это уже из творчества Лукьяненко).

В-третьих, в России все еще имеются интеллектуальные силы для того, чтобы предложить конструктивные альтернативы (именно так — во множественном числе) демократическими методами осуществляемого *модернизационного проекта, выводящего нашу страну на траекторию прорыва в постиндустриальное будущее*, а не на обочину «периферийной империйки». Основные черты таких альтернативных проектов уже многократно прорисовывались интеллектуальным сообществом России в диалоге с нашими друзьями во многих странах мира.

Хорошо известно, что научно-обоснованная стратегическая цель (в отличие от основанной на вере утопии) является важнейшим компонентом мобилизации исполнителей долгосрочного проекта. Для России такой целью, как видно из сказанного выше, является *глобальное культурное* (в подлинном смысле слова: включая сюда образование, науку, высокие технологии, решение природоохранных и социальных задач) *лидерство*. Речь идет не о внешнем насильственном воздействии, а о развертывании науки, искусства, воспитания, общения, самостоятельного критического освоения мира Человеком в его диалоге с другими людьми как альтернативе потребительству, масс-культуре, манипулированию.

А теперь от исторических параллелей и долгосрочных утопий вернемся к реалиям России начала XXI в.

Вынося на передний план развитие таких сфер прорыва в постиндустриальное общество, как воспитание и образование, наука и высокие технологии, искусство и природоохранная деятельность, управление и социальная работа, мы должны все же конструктивно, а не образно, ответить на вопросы о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, о судьбах работников этих секторов, о способах обеспечения конкурентоспособности нашей открытой экономики в глобальной

среде и социально-экономических механизмах реализации этой стратегии, а также о том, кто и почему окажется способным и заинтересованным в ее реализации. Ответы на все эти вопросы (кроме последнего) есть и многократно были представлены научной общественности и представителям гражданского общества. Их формула проста: *реализация долгосрочных общественно-государственных стратегических программ приоритетного развития открытых миру образования, фундаментальной науки, социальных и экологических инноваций в экономике при сокращении роли государства и усилении гражданского общества в политике*. Такова программа-минимум и она общеизвестна.

И все же эта программа, как правило, либо вообще не воспринимается, либо воспринимается как утопия. Почему? Именно потому, что нет вразумительного ответа на последний вопрос: какие общественные силы способны реализовать новый проект? Толкового ответа на этот вопрос нет прежде всего потому, что его не там ищут. *Искать надо там, где есть силы (пусть пока потенциальные), заинтересованные в переходе к новому качеству развития*.

Такой силой не может быть вообще никакая элита. Общедоступное образование и культура плюс чистая природа – это ресурсы развития, в которых заинтересована не элита, а широкие творчески активные круги общества. И без активного включения в освоение этих ресурсов этой части общества проблема в принципе не может быть решена. Прорыв в области культуры и экологии может быть осуществлен только миллионами активных учителей, студентов, инженеров, врачей, «садовников» в союзе с проснувшимися и возвысившимися до защиты хотя бы своих собственных интересов рабочими материально-го производства. *«Тайна» пробуждения в мещанине гражданина и возвышения в загнанном и задавленном проблемами выживания интеллигенте и рабочем социального творца общеизвестна*. Во-первых, это культура – *подлинная, доступная каждому* (доступная и экономически, для чего ее блага должны быть бесплатными или, как минимум, дешевыми, и социально, для чего граждане должны обладать свободным временем, а не вкалывать на трех работах), *каждым востребованная* (а для этого необходимы соответствующее общественное воспитание и общедоступное универсальное, а не только узко-профессиональное, образование для всех). Но этого мало. Если жизнь будет заставлять человека жить ради добывания денег, которые нужны ради

потребления, которое позволяет добыть еще больше денег, никакое образование и культура не будут социально-востребованы, мотивации к активному историческому творчеству по-прежнему не будет. Следовательно, во-вторых, нужны мощные общественно-признанные *материальные* (но не денежные и не вещные) *мотивы, возвышающие «рядового» интеллигента и рабочего до роли социального новатора.*

Итак, подводя итог сказанному, мы беремся утверждать: *для страны объективно существует возможность качественно нового модернизационного проекта – открытого культурного (в единстве образования, науки, высоких технологий, искусства и экологии) лидерства на базе развития сильного гражданского общества.* Есть ли для реализации этого проекта достаточные социально-политические предпосылки в современной России – это второй вопрос. Его мы в *данной* статье не обсуждаем.

Аннотация

В статье показывается, что Россия имеет определенные шансы на выход из нынешних противоречий на траекторию развития, адекватную вызовам революции знаний и глобальных проблем, траекторию развития системы общественных отношений, обеспечивающих приоритет общедоступного творчества и культуры, свободного гармоничного развития человека.

Ключевые слова:

Россия, империя, революция знаний, глобальные проблемы, творческая деятельность, свободное гармоничное развитие человека, культурное лидерство.

Summary

The article shows, that Russia has some chances to solve contradictions of modern evolution and realize the strategy of development of social relations, which provide priority of the creativity, culture and free harmonic development of personality.

Keywords:

Russia, imperial, knowledge revolution, global problems, creativity, free harmonic development of personality, cultural leadership.